

ЧИСЛА В ПОЭТИКЕ «ДЖАНГАРА»

Одной из интересных особенностей поэтики калмыцкого героического эпоса «Джангар» является чрезвычайно широкое употребление имен числительных. Можно сказать, что имена числительные в «Джангаре» выполняют роль особых эпитетов, определяющих те предметы и явления, которые служат объектом описания в отдельных песнях эпоса. В самом деле, нередко числительные, определяющие количество описываемых предметов, во-первых, выступают как индивидуализирующая характеристика какого-либо предмета-артефакта, во-вторых, такая количественная характеристика реально замещает собой постоянный эпитет такого артефакта или же входит в состав группы постоянных эпитетов этого артефакта. То, что числительные при употреблении в тех контекстах, в каких мы находим их в песнях «Джангара», имеют весьма высокую стилистическую нагрузку как элемент языка эпоса, едва ли может быть подвергнуто сомнению. Однако наряду с лингвостилистической нагрузкой имена числительные в калмыцком эпосе, как представляется, имеют и художественный смысл более высокого порядка. Счет описываемых предметов создает структурирующий эффект изображаемой в эпосе реальности, а однородность считаемых предметов, среди которых присутствуют как реальные объекты, так и единицы, являющихся мерами пространства или времени, задает эпическому миру определенную ритмическую организацию. Нам уже приходилось указывать на особую роль чисел в поэтике «Джангара».¹

¹ Омакаева Э.У., Бурыкин А.А. Числа и их функции в эпическом тексте (по материалам калмыцкого эпоса «Джангар» // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9-12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. с.123.

Материалом для настоящей работы послужили шесть песен «Джангара», которые были записаны от М.Басангова.¹ С одной стороны, мы видим необходимость ограничить количество материала на данном этапе исследования, который является лишь началом разработки проблемы поэтики чисел в героическом эпосе, и в частности, в эпосе калмыков. С другой стороны, шесть песен «Джангара», записанных от М.Басангова и составляющих отдельную версию калмыцкого героического эпоса, являются достаточно репрезентативной выборкой материала, поскольку, как нами было установлено в ходе изучения средств создания индивидуальных образов героев «Джангара», несмотря на некоторые содержательные различия между тремя его наиболее объемными версиями – версией Ээлян Овла, версией М.Басангова и малодербетской версией – количественные параметры, характеризующие эпических героев и их действия, в разных версиях оказываются почти одинаковыми как в приложении к самим конкретным объектам, так и в приложении к тем смысловым сферам, к которым относятся данные объекты.

Объектом счета в эпосе являются количество богатырей Джангара и их подразделение на две половины, имущественное положение богатырей (число дворов, которыми они владеют, число животных в их табунах), количество элементов строений и их отделки, всевозможные стоимостные единицы, характеристики богатырского оружия (эпически гиперболизированное число лезвий или граней), количество элементов декоративной отделки предметов, счет времени и возраста, расстояния в днях пути в эпическом пространстве, счет посещаемых храмов-хурулов, количество демонов-мангасов или шулмусов, которые противостоят богатырю.

Числительные – маркеры возраста богатырей и коней и характеристики их образа. Возраст героев, их родителей, коней, а также возраст родителей героев и коней. Возраст эпических героев в «Джангаре» составляет важную характеристику героев не только в отдельных песнях, но и в той исторической перспективе, которая раскрывается в отдельных песнях эпоса. В экспозиции к первой песни «Джангара» у М.Басангова отмечается,

¹ Джангар. Эпический репертуар Мукэбюна Басангова. Элиста, 1988. Далее ссылки на страницы этого издания делаются в тексте статьи.

что в начале действия эпоса «Владыке богдо Джангару Только двенадцать лет было, ... Нойону Алому Хонгору Только три года было», и они «На плохонького трехлетнего верблюда Нагрузили скарб» (11). Далее возраст Хонгора в изложении посредством оригинального приема умножения чисел привязывается к числу и масштабам совершенных им подвигов:

На третьем году Трех крепостей Врата разрушил он: Триста тысяч врагов Покорил он, Тридцать три знамени разорвал, ... Ханов тридцати трех стран В желанный день Джангару поклониться до земли заставил он...

С трехлетнего возраста до четырех лет Состоял в битве с врагами он, Врата четырех крепостей разрушил он, Четыреста тысяч врагов покорил он, Сорок четыре хана В желанный день Джангару поклониться до земли заставил он... На третьем году жизни Тридцать три ханства покорил он, На четвертом году Сорок четыре ханства покорил он. Семьдесят семь ханств Единственный покорил он. Священно-прекрасную страну, Из двенадцати частей, Которую потерял, вновь вернул он (14).¹ Главный прием, используемый здесь – это многократное умножение на десять, что можно посчитать частной разновидностью эпической гиперболы, получающей количественную оценку, но умножение на одиннадцать, дающее числа 33 и 44, которое сочетается с умножением на десять, оказывается весьма и весьма оригинальным стилистическим ходом эпоса.

Возрастом расцвета для правителя государства в «Джангаре» считается сорок лет: «Едва Джангару сорок исполнилось лет, Вражеские страны четырех частей света Власти своей подчинил он» (99).

Калмыцкий героический эпос не менее внимателен к генеалогии и, что важно для нас, к возрасту богатырских коней. Вот как характеризуется в отношении своего возраста аранзал Зэрде – конь Джангара:

*В возрасте жеребенка-сосунка к привязи приучен он,
В двухгодовалом возрасте к походам приучен он,*

¹ Еще более последовательная и еще более выразительная игра числами в этом отрывке повествования представлена в малодербетской версии «Джангара» (Джангар Малодербетская версия. Элиста, 1999. с.43-45).

На третьем году К колыханию крепкого сандалового копы он привык,

На четвертом году Сел на проворного Резвого Зэрде Храбрый Джангар (20). В другом месте текста сказитель специально отмечает, что конь, которым стремился завладеть Санал, имел возраст в 24 года (33).

Интересной, по существу уникальной особенностью «Джангара» является характеристика возраста родителей эпического героя на момент его рождения. Так, в рассматриваемой версии говорится: *«Когда родился Хонгор, отцу его было двадцать пять лет, Родился он от ханши Кюши-Герел – дочери Лювсрги,*

Когда ей было двадцать два года» (25). В этой же версии сказитель отмечает, что богатырский конь Зэрде родился от пятилетней кобылицы (19). Как мы уже отмечали, эти указания подчеркивают физическое совершенство героев, а также их верных помощников и спутников-коней, причем истоки такого совершенства заключены в оптимальной реализации того потенциала, который закладывается природой во все живое.¹

Биография эпического героя характеризуется различными временными отрезками не только в детстве, как это имеет место в описании Джангара и Хонгора, но и в зрелом возрасте. Вот как в эпосе создается образ Алтан-Чэджи: *«В прошлом был слугой У семидесяти ханов он, Дела пяти лет Угадывал, дела десяти лет Предсказывал он, Дела грядущих девяносто девяти лет Предсказывал, Дела минувших девяносто девяти лет Угадывал он»* (23). Примерно так же звучит похвальба Хонгора, где он говорит сам о себе: *«В ста странах прослыл хитрецом я, сказал он, В шести странах прослыл лазутчиком я. Страну хана Таки-мангаса, Я. Хонгор, разрушил один! В моем племени – сто семей»* (57). О Санале в заключительной части к одной из песен говорится что он воплощает в себе *«девяносто девять человеческих доблестей»* (126).

В «Джангаре» имеется один интересный эпизод, не только показывающий значимость количественных характеристик богатырей и их подвигов, но имеющий и сюжетообразующую функцию. Джангар просит златоуста Ке-Джилгана сосчитать подвиги богатырей, и делает такую оговорку *«Впрочем, подвиги героические всех двенадцати богатырей Не стоит считать, Дела*

¹ См.: Бурькин А.А., Басангова Т.Г. Страна Бумба в калмыцком эпосе «Джангар»// Монголоведение. № 2. Элиста, 2003. с.158.

достойных четырех богатырей Считай». При подсчете, который осуществлялся в соответствии с положением богатырей на пиру, получается, что Хонгор подчинил Джангару тридцать пять ханств, Гюзян-Гюмбе подчинил тридцать три ханства, а Савар и Санал – по тридцать четыре ханства. Однако Санал оказывается оскорблен тем, что при подсчете его подвигов оказалась нарушенной очередь, в которой он должен был бы занять место между Хонгором и Гюзян-Гюмбе, и говорит *«Если решил считать подвиги мои, То правильно счет веди, - сказал он Ке-Джилгану, Если это намеренно делаешь, вместо чужой очереди, то на разгоряченном чалом коне Уеду отсюда, Лишив вас того, что пригодится в военное время»* (102). Числовые признаки маркируют и этикет: Санал перед совершением гадания *«в сторону богдо поклонился раз, в сторону богатырей дважды поклонился»* (101).

В «Джангаре» числительные используются даже для портретной характеристики эпического героя – так, М.Басангов говорит о Джангаре: что у него *«В лопатках сила семидесяти пяти воинов воплощена, В подмышках его Мощь двух ядовитых змей воплощена... В каждом суставе десяти его белых пальцев, Привычных к копыю. Сила льва и слона воплощена»,* и волосы его *«Плотно лежат, Покрыв уши толщиной в четыре пальца»* (22). Столь же выразителен, и даже в еще большей степени гиперболизирован портрет Хонгора: *«В лопатках семьдесят пять саженей был, В поясе восемьдесят пять саженей был, По середине шесть обхватов, По затылку с шеей один обхват»* (147). На пиру после выпитой хорзы у Санала *«Десять белых пальцев его Сжались в кулак, ... Большие глаза его В глазницах тридцать три раза повернулись»* (40). В рассматриваемой версии «Джангара» похожую внешнюю характеристику получает богатырь Гюзян-Гюмбе: М.Басангов так описывает Гюзян-Гюмбе: *«Грузен Гюзян-Гюмбе настолько, Что жир в тридцать три слоя у него, И все равно не хуже Других богатырей выглядит он. Когда Гюзян-Гюмбе встает на колени Перед троном высокого богдо Джангара, Занимает место двадцати пяти человек, Когда свободно садится, скрестив ноги, Место пятидесяти человек занимает»* (24).¹

¹ О средствах создания индивидуальных образов богатырей см. также: Бурыкин А.А. Индивидуализация образов персонажей как средство композиции и сюжетообразования в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Studia Culturae*. Вып. 3. СПб., Философский факультет СПбГУ, 2002. с. 79-94.

Числительные в характеристике социальной структуры общества «Джангара». Общество, изображаемое в «Джангаре», предстает в виде многоступенчатой иерархии, где позиция каждого из героев определена целым рядом его свойств. Богатыри «Джангара» располагаются на пиру в строго определенном порядке в виде определенных групп – кругов пирующих, распределенных на две стороны. Вот как это выглядит: *Сойдясь в полные пятьдесят четыре круга, ... На пиру восседают богатыри. Правую сторону богатырей на пиру возглавляет ... Старец Алтан Чэджи. Левую сторону богатырей на пиру возглавляет Старец, владелец штыка Гюзян-Гюмбе. Правые семь кругов богатырей Возглавляет богатырь-великан Алый Хонгор, Левые семь кругов возглавляет ... неистовый красноликий Савар* (57).

Положение каждого эпического героя в обществе определяется его имущественным достатком. Выясняется, что попасть на пир во дворец Джангара не так-то просто. Распорядитель во дворце Джангара златоуст Ке-Джилган *«Нойонов, владеющих пятью тысячами дворов, Далеко прогонял он, Хлестая плетью по ногам, Нойонов, владеющих десятью тысячами дворов, Поодаль сажал он, Нойонов, владеющих более десятью тысячами дворов, Едва допускал он к пиру»* (17). В связи с этим надо отметить, что два весьма почитаемых богатыря – едва попали в число приглашенных на пир, поскольку были не слишком богатыми по эпическим представлениям «Джангара». В рассматриваемой версии «Джангара» конь Савара Лыско был куплен «в годовалом возрасте За миллион десять тысяч юрт» (53-54): несмотря на то, что в других версиях «Джангара» Савар ездит на кобылице Кюрюнг-Галзан, ее цена соответствует той, которую называет М.Басангов – в версии Ээлян Овла кобылица Савара Кюрюнг-Галзан куплена за миллион семейств¹ (видимо, из того самого числа подданных его отца, которые говорили на 70 языках), в других песнях она приобретена «за миллион юрт»² и только однажды – «за миллион монет».³ В другой версии «Джангара» говорится о том, что серьги Ага Шавдал «ценой по 700 семейств подданных»,⁴ плат у жены Хонгора «ценою целое семейство за каждый

¹ Джангар. М., 1990. с.201.

² Там же. с. 313.

³ Там же. с. 352.

⁴ Джангар. Малодербетская версия. с. 79.

узор»¹. Военная добыча врагов, которую надлежало вернуть богатырям Джангара, составляла «*семь миллионов пего-пестрых тунджуров*» (125, 126). Войско противников, которое встречает Хонгор, составляет два отряда по семь тысяч воинов, один из которых имеет вороных, а другой – чалых коней (144-146). В другом месте говорится, что враждебного богатыря Таки-Бирмис хана сто восемь кругов пирующих, и это указание сопровождается ремаркой «*Их вдвое больше, чем у Джангара*» (112). Санал, сражаясь один, побеждает дважды по тридцать пять богатырей-мангасов (115, 116). У Джангара имеется шесть тысяч богатырей и двенадцать избранных воинов (109).

Числительные в характеристике дворца и белой юрты Джангара. В описании дворца Джангара, выразительно демонстрирующем осмысление разных видов изобразительного, строительного и декоративного искусства создателями и хранителями эпических традиций калмыков, переплетаются разные количественные представления, одна часть которых соотносится со структурой эпического мира, другая относится к мифологическим или эпическим гиперболам, третья может связываться с сакральными или эстетическими предпочтениями, включаемыми в этническую традицию.

Дворец Джангара в версии М. Басангова описывается так: «*У подножия двенадцати пестреющих гор... Семьдесят миллионов мастеров Соорудили дворец славному Джангару; В семь тысяч сажений вглубь земли Для прочности Основание сделали они*»; «*На южной стороне дворца Изображены два гения-хранителя, обращенные друг к другу... По четырем углам, посередине Изображен горный козел. Для семи иноземных грозных ханств ...дворец Стал мечтой, говорят. «Внешние семь углов Драгоценными раковинами инкрустировали, Внутренние семь углов. Драгоценными камнями огненного цвета инкрустировали*»; «*Когдаходишь во дворец, Звон пятидесяти бубенчиков раздается, Когда выходишь, Звон десяти тысяч погремушек раздается. Слух о пестром золотисто-расписном дворце В нижних семи странах Как эхо, разнесся*» Аналогично описывается белая юрта, предназначенная для пиров «*Восемьдесят четыре решетки поставили, в каждую решетку вставлены тысячи жердей ... Полуденная сторона*

¹ Там же. с. 67.

Для прочности Покрыта шкурами семи сизых оленей, Северная ее сторона Шкурами семи пегих оленей покрыта, Слева покрыта Шкурами косули и семи оленей, нанесены двенадцать узоров И семь золотых орнаментов...»; «Слух о Белой юрте Бумбы В нижних семи странах Как эхо, разнесся» (14-16). В этом описании не вполне ясны причины доминирования числа 7, присутствующего, как можно догадываться, не столько в реальности, сколько в ее словесном описании – возможно, число 7 для носителей традиции является сакрализирующим, придающим некоторый иррациональный ореол объектам как во внеязыковой реальности, так и на номинативном уровне в тексте.

Таким же образом – с акцентом на структуре – описывается и трон Джангара: *«Старое сандаловое дерево Хонгор на четыре части расщепил, Из этих четырех могучих бревен Ножки для трона сделал» (13). Трон Джангара многократно именуется стовосьмигольным (37, 42, 71, 86, 99, 134, 135).*

Характеристика атрибутов богатыря, его оружия и его персональных качеств. Богатырское оружие и принадлежащие эпическому герою предметы в эпосе могут характеризоваться самым различным образом. Никого не удивит гипербола в применении к описываемым в эпосе предметам. Однако как гиперболические определения, так и определения иных типов по отношению к атрибутам богатырей или их личным качествам в «Джангаре» весьма часто получают количественное выражение. Можно привести множество примеров в качестве иллюстрации этого необычного поэтического приема.

Хонгор сделал древко знамени Джангара из копья, *«Которое из рогов ста горных козлов сделано, ... А пятьдесят два его лезвия Сорок два раза острее косы отточены» (13). Оружие у Джангара - «Сорокадвухгранное, Пятидесятидвухлезвийное острое сандаловое копье» (45). Любимое оружие Савара, которым он владеет с детства – восьмигранная блестящая желтая секира (51). Меч Хонгора помещается *«в чехле из жести Длиной в десять сажений, Шириной в три сажени» (79). Столь же насыщена числами и характеристика меча Гюзян-Гюмбе «В змеином яде высушен меч его, будучи Подвешен на сорок девять дней. С тридцатью тремя штыками он, С тремя острыми лезвиями он» (23); «Кто попадается под меч Гюзян-Гюмбе, не поддается лечению**

лучших врачей, Лучшими лекарствами лечат его Ровно сорок девять суток, От ран все равно умирает он» (24). В богатырском поединке Санала с богатырем мангасов «Пятьдесят два лезвия меча сверкнули, А сорок четыре грани его выступили, блестя» (124). Копье Санала, воткнутое им в камень, не могут вытащить три богатыря (111). У искусного лучника Хабтын-Энге, обладающего сверхъестественной меткостью, «пять белых оперенных стрел» (30). Хонгор перед битвой надевает семьдесят два доспеха (91); у противника Санала семидесятислойные боевые доспехи (116), оружие противников богатырей Джангара, наносящее тяжелые раны – «Голубая стрела Джилинг с восемнадцатью зубцами» (67, 121) – таким образом, богатыри, относящиеся к разным воюющим сторонам, в «Джангаре характеризуются одинаково, как и положено в соответствии с законами эпической поэтики, и при этом используются одни и те же художественные средства, какими бы специфичными они ни являлись в рамках национальной эпической традиции.

Столь же выразительна достигаемая теми же средствами характеристика одежды богатыря – так, у Санала имеется десятислойный бешмет Эрднин-Хул и улбок ценою в семьдесят коней (105).

Одной из характеристик эпических способностей богатыря является еда. Здесь интересным примером является описание богатырской еды, повторяющееся в песнях «Джангара», записанных от М. Басангова несколько раз без значительных изменений. На пиру разносят арзу в чаше, «Которую пустой Едва поднимают Семьдесят человек» (26, 27), а гостя угощают так: «Преподнесли гостю арзу пятнадцать раз, Хорзу – двадцать пять раз, Дали ему мясо семи-восьми оленей» (27, 30, 39, 114, 132, 138). Угощение во дворец Джангара доставляется в таких объемах: «Богач Зунгру, богатством известный в стране Джангара, на девяносто девяти лысо-вороних конях С трудом привез арзу в бочке Бадма-Лузанг» (105-106). Попав к девяти бесовкам, Хонгор выпивает трижды по три чаши арзы, смешанной с ядом, причем после первых трех чаш говорит: «Странно, своей арзы по шесть чаш выпивал, и не хмелел так», а после вторых трех чаш – «Хотя своей арзы трижды по три раза выпивал, Так сильно никогда не пьянел я» (91-92). Тот же Хонгор, едущий по степи в одиноче-

стве, утоляет голод следующим образом *«спешился, Из саксаула костер развел, Ароматный крепкий чай сварил, Половником «Докур» Семьдесят тысяч раз перемешал его. Из круглой серой чаши Семь миллионов раз отведал чаю он»* (142). Довольно любопытно то, что в данном случае мы встречаемся с богатырской трапезой не на пиру, где способности к поглощению пищи выступают в роли своеобразного состязания пирующих или устрашения потенциального или реального противника, но выступают исключительно в качестве характеристики физических качеств богатыря, являющегося любимым персонажем во всех версиях «Джангара». Впрочем, не менее выразительным является результат победы Хонгора в состязании с богатырем-противником в борьбе: *«Тогда Хонгор Ноги ему на восемь частей поломал И так ударил, что тот глубиной в девять локтей в землю вошел. Бил он, покрывая им истоки девяти рек».* (123-124). Если говорить об описании достоинств других богатырей, то надо отметить очень поэтичное описание игры Мингияна на хуре, составляющее важное типическое место в «Джангаре»: *«Прекрасный в мире Мингиян ... Заиграл на хуре, десятью белыми пальцами легко и быстро перебирая струны, Десять гимнических песен, что поют ханы и нойоны»* (25-26, 29, 38, 71, 136-137). В другой версии «Джангара» Ага Шавдал играет *«На девяностооднострунном серебристо-звонком хуре»*¹

Числительные в описании конской упряжи и предметов, связанных с ездой на коне. Количественные характеристики, присутствующие в описании упряжи богатырских коней, не столько служат манифестации эпической гиперболы, сколько подчеркивают ее высокие художественные достоинства, выражают ее красоту и оттеняют ее высокую ценность. Вот как описывается в эпосе седлание коня Хонгора Кеке-Галзана – конюший *«Двадцать ремней-назатыльников пристегнул, Двадцать пять пуговиц застегнул. Один держал его за десятисаженный чумбур... Золотое блестящее седло, Ленчик которого из серебра, А седельная лука матового цвета, На четыре пяти и еще три четверти на спине от холки Положил на коня. Подпруги с семьюдесятью семью пряжками ... Туго стянул... Восемьдесят восемь бубенчиков Навесил в разных местах на нагруднике коня. ... Держал он ска-*

¹ Джангар. М., 1990. с.200.

куна *За десятисаженные пуховые шелковые поводья, на расстоянии полторы сажени от себя»* (48-49). Это описание относится к типическим местам эпоса и еще неоднократно повторяется в песнях этой версии «Джангара» (59, 89, 104, 131, 140). Чтобы поймать коня, который пасся «*Среди девяти тысяч тунджуров»*, конюший Балин-Улан-Арслан «*через пятьдесят пять коней закинул аркан»* (47), и в этих подробностях заключены и длина аркана. и мастерство того, кто им владеет, и количество коней в табуне, отмечающее богатство его владельца. Иногда количество ремней упряжи может подчеркивать и силу богатыря: так, Хонгор, «*Подойдя к коню, Дернул за ремешки седла. Семьдесят пять подруг с пряжками, С семьюдесятью пятью подхвостниками Сразу разорвались»* (152).

Весьма значимо и очень колоритно описание богатырской плети, также образующее одно из типических мест эпоса: «*Сердцевина плети – из шкур семидесяти волов, Верхний слой – из ремешков шкур восьмидесяти волов, ... Рукоять плети – из кизилового дерева, Одинокое выросшего около травы-осоки, Петля ее сделана Из шкур пятнадцати волов»* (49, 60-61, 79, 141). В отличие от описания упряжи, здесь нет вообще ни одного эпитета – их полностью заменяют количественные характеристики материала. из которого изготовлены детали плети.

Числовые характеристики служат в «Джангаре» также постоянным средством выражения различных достоинств богатырских коней. Пойманный Кеке-Галзан «*девятью девять раз резко подпрыгнул»* (47), и здесь также подчеркнута позитивная характеристика коня. Резвость богатырского скакуна отмечается теми же средствами и в описании поединка: конь Санала «*Семьдесят два раза увернулся, тридцать три поворота сделав»* (124). Резвость коня Зэрде такова, что «*лучная стрела, пущенная навстречу ему, Пролетает, едва задев Лебединый его десятисаженный хвост»* (20). Богатырский конь обладает способностью предчувствовать будущее – «*У искроподобного красного скакуна Крепкие мышцы тряслись перед сражением За семьдесят суток вперед, Слабые мышцы тряслись за сто суток вперед»*; конь, после того, как на него надели упряжь, «*подумал О предстоящем пробеге на сто лет, О предстоящих шестилетних мучениях своих»*, (130, 131) – в этом отношении конь ничем не отличается от тако-

го человека, как мудрец и прорицатель Алтан-Чэджи. О коне хана Шара-Мергена трижды говорится, что он сменил семь седоков, побежденных его нынешним хозяином (100, 123, 125). И даже возвышенная характеристика коня может сопровождаться самым прозаизированным, но все-таки стилистически маркированным количественным определением: «Всю резвость свою в четыре черных копыта вобрал он» (49). Здесь конкретность и реалистичность описания создает своеобразный ритм движения бегущего коня.

Числительные в описаниях эпических поселений. Поселение, описываемое в «Джангаре», имеет довольно сложный состав, который устойчиво повторяется и всякий раз подчеркивается исполнителем при воспроизведении отдельных эпизодов текста. Обычно эпическое поселение состоит из ста белых хурулов, шестисот хурульных кибиток и пятисот сахаров (112). Состав поселений, если они описываются в эпосе, оказывается почти постоянным, и этот состав поселений входит в число типических мест эпоса наряду с теми действиями богатырей, которые совершаются в пределах этих поселений. Перед отправлением на подвиги Хонгор объезжает сто белых хурулов, шестьсот монастырей, и пятьсот юрт сахара (61), то же самое делает Санал (106, 111) и даже враждебный к Джангару богатырь Нарни-Герел (133). В другом эпизоде эпоса Санал, объехав сто белых хурулов, обходит хурулы семь тысяч и восемь тысяч раз, а потом разговаривает с двадцатью пятью гелюнгами (110). Возле дворца Джангара *«Шесть тысяч желто-пестрых храмов, Словно шатры, Стояли тесно в ряд»*, и в них находились шесть тысяч шабинеров, а лама представлял воплощение Шагджамуни (17, 18); мелодия раковин и труб, звучавших в городе из храмов, была слышна в семидесяти ханствах (18). В этих описаниях, как и в описаниях пространства и времени эпоса, присутствует явная количественная гипербола, которая тем не менее получает строго определенное повторяющееся числовое выражение.

Числительные, описывающие путь богатыря. Путь богатыря, который ему предстоит преодолеть для совершения подвигов, также имеет в «Джангаре» свое количественное выражение. Для того, чтобы заставить своего коня бежать, Санал весьма своеобразно погоняет его: «Восемь тысяч раз звонко по животу

ударил коня он, Семь тысяч раз бесшумно по животу ударил коня он» (107). Несколько раз на протяжении одной песни сам Санал находился в дороге продолжительное время – «Целый год ехал он, 12 месяцев ехал он» (107, 109), и, смотря вдаль, куда ему предстояло ехать «Глазами трехлетнего беркута Посмотрел он на расстояние трех лет пути. Глазами четырехлетнего беркута посмотрел он на расстояние четырех лет пути» (107). Санал встречает старика, пасшего овец, «у развилки семидесяти дорог» (109).

Числительные в описаниях эпических географических объектов и мифологического времени. Как известно, «Джангар» имеет собственную довольно детально разработанную топографию, которая является той самой пространственной сферой, в которой разворачивается эпическое действие. Масштабы эпического пространства, как и полагается в эпосе, гиперболизированы, однако ему, как и многому другому в «Джангаре», присуща количественная конкретность. Океан Бумба *«на восточной стороне он имеет семь тысяч восемьсот восемьдесят семь рек»* (18), в стране Джангара *«Восемь тысяч рек, берущих начало от океана, Имеют девять миллионов ручейков»* (18). Санал бросает побежденных врагов *«в океан Сорнцг, Где болото пятьсот сажений глубиной, Где вода пятьсот сажений глубиной, Берег пятьсот сажений высотой»* (33, 34). Не менее гиперболическим оказывается и описание мифологического времени, совмещенное с описанием пространства: *«Кто песнопение это Услышит и помолится, Тот в этой жизни земной Восемнадцать тысяч лет проживет, В загробной жизни Над тридцатью тремя небесами В тысячелетней стихии, не попав в руки эрликов»* (18).

Числительные в характеристике структуры мира. Если во всех других группах объектов, приобретающих количественные определения в «Джангаре», можно было говорить о неких зафиксированных числовых величинах, не имеющих собственной знаковости и связанных с теми предметами, количество или свойства которых они характеризуют, то применительно к структуре эпического мира нам придется говорить о таких числовых обозначениях разнообразных частей мира, числовая семантика которых требует определенных комментариев или даже заставляет погрузиться в область гипотез, побуждающих проецировать эпический мир «Джангара» на религиозное мировоззрение

народов Центральной Азии и Сибири. В описании структуры эпического мира, которая представлена в «Джангаре», обращают на себя внимание несколько устойчивых числовых характеристик, повторяющихся в самых разных контекстах. Одно из таких чисел – это число 4. В самом начале первой песни «Джангара» в рассматриваемой версии говорится, что «Хан Узюнг-Мала владел... четырьмя величественными океанами», воевал «с четырьмя державными ханами» (11) и эта война длилась «в течение трех лет, тридцати шести месяцев»; «Ханы четырех частей света ... народ двенадцати ханств по частям могли покорить» (11). Джангар и Хонгор говорят между собой: «С народом четырех ханств, говорящим на семидесяти семи языках, Мы не в силах воевать (12). О Хонгоре сказано: «Родился он и вступил в борьбу с четырьмя черными тенгриями Страну десяти тысяч строптивых шулмусов Опустошить родился Хонгор» (25). Можно предположить, что число 4 – это число пространственных сфер в горизонтальной, плоскостной модели мира, причем эти сферы могут быть как независимыми друг от друга, – то есть быть самостоятельными мирами, – или же составлять частные структуры среднего мира, мира живых людей, в котором располагается страна Бумба.

Весьма значимым для эпического повествования в «Джангаре» оказывается число 7 и его производные – 49, или семь семерок, и 77, или 11 семерок. Имеется довольно много разнообразных примеров его использования в рассматриваемом нами материале - Джангар и Хонгор ищут страну семидесяти семи ханов (12), враги окружают гору Мангхан-Цаган семью кругами (12), слух о дворце Джангара «*В нижних семи странах, Как эхо, разнесся*» (16), в честь прихода нового конюшего пир богатырей был продолжен еще на семь суток (28-29), путь богатыря составляет «*семью семь – сорок девять суток*» (35), меч и шлем Хонгора, даже зарытые в землю, излучают свет «*в семь раз ярче солнечного*» (65), знамя Таки-Бирмиса таково, что «*Свет семи желтых солнц затмевает оно*» (111), уставший Санал, уснув, просыпается через семь дней (120). Вероятно, примеры употребления числа 7 в «Джангаре» можно увеличить, но едва ли они дадут что-либо новое для понимания того, какой смысл скрывается за ним. Видимо, изначально число 7 для той традиции, в которой

был создан «Джангар» соответствовало количеству сфер нижнего, подземного мира, на что имеется несколько прямых указаний как в анализируемой нами версии, так и в других версиях эпоса.

Очень важным для определения структуры мира является число 12. О Джангаре говорится так: «*Один-единственный покорил он Священно-прекрасную страну из двенадцати частей*» (12); дворец Джангара строится «*у подножия двенадцати пестреющих гор*» (14), на покрышках белой юрты «*нанесены двенадцать узоров И семь золотых орнаментов...*» (16), Галзу-Гал-Мангна добыл себе жену в состязаниях с двенадцатью ханами (28). Мы знаем, что у Джангара двенадцать богатырей, и «*О славном Джангаре, Владельце коня Зэрде, Сразу сложилось двенадцать сказаний*» (23). Джангар в эпических песнях представляется как «*Покоритель преисподних двенадцати вражеских стран*» (31, 34). Наконец, волосы Хонгора - «*сияющие двенадцатью золотистыми отливками*» (46). Можно предполагать, что число 12 включает в себе три четверки, то есть три мира – верхний, средний и нижний миры, которые время от времени упоминаются в различных версиях «Джангара»,¹ и каждый из этих миров, подобно среднему миру, поделен на четыре стороны света. Однако возможно, что ключ к разгадке повышенной частоты употребления чисел 7 и 12 в калмыцком эпосе заключается в том, что в малодербетской версии «Джангара» упоминаются семь нижних миров и двенадцать вышних миров,² которые отражают определенный вариант устройства мира по представлениям калмыков – причем такие варианты не обязательно связаны с действующими религиозными воззрениями: они могут отражать доламаистские религиозные верования монгольских народов или составлять чисто фольклорную альтернативу собственно религиозным представлениям о мире.

Мы не останавливаемся специально на употреблении числа 3 в «Джангаре», однако постараемся привести примеры его употребления. Война хана Узюнг-мала длилась «в течение трех лет, тридцати шести месяцев» (11); Хонгору в начале повествования было три года и он ездил на трехлетнем верблюде (11), у меча

¹ Бурькин А.А., Басангова Т.Г. Страна Бумба... с. 156.

² Джангар. Малодербетская версия. с. 123.

Гюзян-Гюмбе 33 штыка-острия и 3 лезвия, Джангар говорит конюшему: «Если же ... упустишь, Коня моего Зэрде, то с живота твоего три ремня снимут, Трижды в день чесать будешь...» (28); в мишени для стрельбы Хабтын-Энге «В окружении алмазной горы растут три сандаловых дерева» (31), три рядовых богатыря не могут вытащить копьё Санала, воткнутое в камень-самородок (36), Аля Шонхор говорит: «Если даже и сразят меня стрелы, Золотисто-желтое знамя буду держать в руках Три года, не отдавая никому» (43), Хабтын-Энге выбивает противнику мангасу два раза по три позвонка (121). Похоже, что, что число 3 в «Джангаре» соответствует не столько какой-либо конкретной эпической реальности, сколько представляет собой «свернутый» фрагмент повествования, в котором троекратное повторение действия с постепенно достигаемым результатом, составляющее характерный сказочный (и вообще повествовательный) мотив, предстает в виде указания на кратность действия или в виде числа объектов действия. В целом же создается впечатление, что сакральность или художественная предпочтительность чисел 3 и 7 в калмыцком эпосе, скорее всего, вызвана их повышенной частотностью, потому что, кроме количественных характеристик, они лишены каких-либо иных смысловых нагрузок – за исключением связи числа 7 со структурой нижнего мира и возможной роли числа 3 в преобразованиях развития сюжета повествования. Можно предполагать, что числа 3 и 7 - это части внутреннего смыслового ритма текста, характеризующего изображаемую реальность. В системе мировоззренческих представлений число 3 раскладывается на три составляющих – «я» или описываемый объект и окружающий мир, и два симметричных отражения «я» (или объекта) и окружающего мира, составляющих виртуальные миры (обычно верхний и нижний мир в вертикальной модели мира), а число 7 – это отражение того же «я» или какого-либо предмета, и две тройки виртуальных отражений этого предмета в осложненных, структурированных мирах, имеющих по три сферы. Однозначно определить роль этих чисел в калмыцком эпосе, равно как и роль других сакральных чисел в иных эпических традициях, думается, едва ли можно, поскольку «сакральность» таких чисел складывается из действия нескольких разнообразных факторов.

Поэтика расчлененного, сложносоставного, мозаичного считаемого мира не исчерпывается обозначениями объектов, характеризующей особенностью которых является их множественность. На фоне многочисленных считаемых объектов в «Джангаре» весьма рельефно вырисовываются константы единичности, характерные для эпического мира «Джангара». У каждого богатыря только один боевой конь, называемый в эпосе по имени (хотя из текста ясно, что эпический герой мог бы иметь несколько коней для разных целей), у богатырей страны Бумбы только одна жена (несколько жен имеют враги богатырей Джангара, живущие в иных мирах), далеко не у каждого богатыря есть потомство, и чаще всего это только один сын; у Мингъяна – это единственная дочь. Числа в «Джангаре» выступают как важное художественное средство, конструирующее особый эпический мир. Разумеется, настоящая статья не может исчерпать эту сложную тему, которая заслуживает специального внимания как на материале других версий «Джангара», так и на материале иных эпических произведений монгольских и тюркских народов.